

Послеполуденный солнечный свет проникал сквозь узкую щель в неплотно задернутых шторах. Трепещущие блики оседали на узких бёдрах Вэнь Цинлиня, мерно покачивавшихся взад-вперёд. Хотя их скрывала серая домашняя одежда, складки ткани лишь подчеркивали изящество каждого движения.

Согнутые в коленях и прижатые друг к другу длинные ноги в игре света и тени казались яркими, точно хвост русалки.

В тишине комнаты раздавалось лишь непрерывное электронное жужжание, перемежающееся глухим, с трудом сдерживаемым стоном Вэнь Цинлиня. Это сочетание звучало неожиданно страстно.

В какой-то момент перед глазами Цинлиня всплыл чужой взгляд — образ был чисто умозрительным, но показался до странного знакомым. Глаза казались глубокими, словно бездонный океан, однако из самой этой бездны вдруг вспыхнуло пламя. Обжигающий жар захлестнул Вэнь Цинлиня, не давая вырваться...

Пальцы тонких рук резко сжали мягкий длинный ворс ковра. Выдохнув сквозь зубы, Цинлинь дождался, пока жужжание прекратится, после чего поднял руку и одним движением сдёрнул с глаз галстук.

Резкий свет заставил его рефлекторно прищуриться, длинные ресницы вздрогнули. Лишь когда глаза привыкли к освещению, Вэнь Цинлинь сел, оставшись полулежать в бескаркасном кресле — вальяжный и расслабленный, словно сытый персидский кот.

Немного помешкав, он выдвинул ящик тумбы и достал пачку сигарет. Вытащил одну, зажал губами, выбил искру из зажигалки.

Вэнь Цинлинь прищурился и сделал глубокую затяжку.

Мужчины, умеющие курить, редко отказываются от так называемой «сигареты после», и Вэнь Цинлинь не был исключением.

Его курительный стаж был довольно впечатляющим — первую сигарету он попробовал еще в год окончания средней школы. В то время юный и неопытный Цинлинь не понимал, почему взрослые, уставая или раздражаясь, всегда тянутся за сигаретой. До тех пор, пока в энный раз не сбежал из дома, где не умолкали брань матери и капризные вопли младшего брата. Забившись в угол за домом, он тайком чиркнул кухонной зажигалкой, поджигая сигарету, которую выпросил у старшего парня во время дневной подработки в чайной.

Когда никотин обжёг легкие и ударил в мозг, Вэнь Цинлинь, кажется, всё понял: эта дрянь и впрямь позволяла ненадолго отгородиться от проблем.

Впрочем, то был лишь минутный побег от реальности. Поэтому, несмотря на внушительный стаж, сильной тяги к табаку у Цинлиня так и не сформировалось — по своей натуре он не привык искать спасения во внешних вещах.

В последние годы он затягивался и того реже, ограничиваясь двумя случаями: когда в процессе рисования застопоривалось вдохновение и... после постельных утех. Это превратилось в дань давней привычке, не имевшей ничего общего с попыткой сбежать.

Должно быть, из-за некстати всплывших воспоминаний прошлых лет настроение слегка испортилось. С сигаретой в зубах Вэнь Цинлинь поднялся на ноги и принялся наводить порядок.

Вообще-то он не так уж часто удовлетворял себя сам. В этих вопросах качество для него всегда стояло незримо выше количества. Игрушки — это, конечно, хорошо, да и снимки «Секрета» идеально попадали в его вкус, но им не хватало человеческого тепла, дыхания и самого чувства взаимодействия.

При этом Вэнь Цинлинь никогда не искал связей на одну ночь. Дело было не в каких-то высоких моральных устоях — просто подавляющее большинство претендентов отсеивалось на первом же этапе: никто не цеплял его взгляд.

И обвинять Цинлиня в излишней придирчивости было глупо, ведь у него имелись для этого все основания.

По правде говоря, Шэнь Тинюань оказался единственным, кто с первого взгляда показался ему привлекательным.

Именно поэтому после свадьбы Вэнь Цинлинь сегодня впервые взялся за игрушки сам. Весь прошлый месяц они провели вместе. Два зрелых мужчины под тридцать, состоящие в законном браке и проживающие под одной крышей, к тому же вполне довольные внешностью друг друга — у них не было ни единой причины отказываться от близости.

Вот только...

Шэнь Тинюань его не совсем устраивал. Не в объективном плане — объективно говоря, хотя Цинлиню и не с чем было сравнивать, но подкованный теоретически, он прекрасно понимал, что по всем параметрам Шэнь Тинюань входит в категорию лучших из лучших.

Цинлиня не устраивала именно его манера поведения.

Этот человек даже в постели умудрялся сохранять невозмутимость, оставаясь нежным и подчеркнуто джентльменским...

И что ещё важнее, в этом вопросе их взгляды кардинально расходились. По натуре Вэнь Цинлинь предпочитал остроту и страсть, а Шэнь Тинюань, верный своему характеру, держался сдержанно и традиционно. Словно подобное могло происходить исключительно ночью, строго на кровати в спальне и не чаще одного раза за вечер...

Педантично и строго, точно исполнение служебного долга.

Вэнь Цинлинь с досадой криво ухмыльнулся.

Закончив уборку, он сделал последнюю затяжку, потушил окурки в пепельнице, отдернул шторы и распахнул окно вместе с дверью комнаты, чтобы выветрить дым — Шэнь Тинюань не курил.

Снова опустившись в кресло перед компьютером, Цинлинь выбросил лишние мысли из головы и собрался продолжить работу над незавершённой маньхуа.

Однако из-за недавней разрядки разум погрузился в абсолютное умиротворение, граничащее со слегка заторможенной пустотой.

Поколебавшись мгновение, Цинлинь отложил работу и открыл папку с названием «Вдохновение». В отличие от «Мьюз», здесь хранились самые разные материалы: тексты, изображения, видео и аудио. Цинлинь сохранял сюда всё, что случайно попадалось в сети или приходило в голову, чтобы использовать как идеи для комиксов.

Легко проведя пальцем по тачпаду, он зацепился взглядом за аудиофайл, сохранённый пару дней назад и ещё не прослушанный. Запись выложил один из блогеров, а название поражаало своей незамысловатостью: «Гэгэ, хочешь, я застону для тебя?»

Вэнь Цинлинь включил графический планшет, надел наушники и запустил воспроизведение.

Звук в ушах оказался столь же прямолинейным, как и заголовок — никакой прелюдии или лишних слов, сразу прерывистое страстное дыхание.

Вэнь Цинлинь остался абсолютно хладнокровен и лишь объективно оценил: не у каждого хватит смелости выложить такое, но голос действительно хорош.

Запись длилась всего три минуты и двадцать одну секунду. Когда она закончилась, Цинлинь запустил её снова и вернулся к рисованию.

Пальцы в кожаной перчатке скользили по щеке персонажа в белой рубашке к уголку губ, грубо разжимая его зубы и проникая внутрь...

Вэнь Цинлинь погрузился в процесс. Когда трек прозвучал ещё раз, он поднял голову и просто выставил режим «повторять бесконечно».

Однако едва он собрался продолжить работу, как случайно уловил смутное отражение на мониторе.

Вэнь Цинлинь крайне редко терял самообладание, но сейчас его глаза мгновенно округлились, а сам он замер на месте.

В следующий миг тело сработало быстрее разума: он мгновенно погасил экран планшета, сдёрнул наушники и поднялся из кресла.

Обернувшись, Цинлинь столкнулся взглядом с Шэнь Тинюанем. Тот стоял в дверях мастерской в безупречном костюме, с полуподнятой рукой, застывшей в жесте перед стуком.

Воздух в комнате словно загустел.

Вэнь Цинлинь слегка поджал губы и заговорил первым, не скрывая лёгкого удивления:

— Ты... когда вернулся?

Шумоподавление в наушниках сработало слишком хорошо: он действительно не слышал ни стука двери, ни шагов... Если бы дверь мастерской не стояла настежь для проветривания, а рабочий стол не располагался прямо напротив входа, Цинлинь вообще бы не заметил его появления.

Вспомнив кое-что, Вэнь Цинлинь с замешательством добавил:

— Ты ведь утром говорил, что освободишься только к вечеру. Назначили послеобеденный чай?

Если бы Цинлинь не был уверен, что Шэнь Тинюань вернётся поздно, он бы не позволил себе расслабиться чуть раньше. Застань его муж за таким занятием, неловкости было бы не избежать.

— Только что приехал, встречу за чаем отменили, — опомнившись, Шэнь Тинюань опустил руку и произнёс тихо, опустив взгляд. — Я отправлял тебе сообщение перед выездом из офиса.

Вэнь Цинлинь опешил. Смутное воспоминание всплыло в памяти: кажется, в самом разгаре его одиночных утех телефон и впрямь вибрировал...

Вот только смотреть на экран в тот момент он бы точно не стал, а закончив, и вовсе позабыл об

этом.

— Я не смотрел на экран... — проронил Вэнь Цинлинь, испытывая редкую лёгкую неловкость.
— А что ты писал?

— Ничего особенного, — качнул головой Шэнь Тинюань. — Написал, что приеду раньше, и спросил, не нужно ли заехать за чем-нибудь по дороге.

Вэнь Цинлинь издал короткое «о» и тоже качнул головой:

— Нет, ничего не нужно.

После этого разговор опять заглох.

Взгляд Цинлиня ненароком упал на верхнюю пуговицу Шэнь Тинюаня, застёгнутую с безупречной педантичностью.

За месяц брака они с Шэнь Тинюанем почти всегда общались именно так — скупой и сдержанно.

— Я приехал раньше времени. Помешал тебе? — негромкий, сдержанный голос Шэнь Тинюаня вырвал Цинлиня из раздумий.

Слегка удивившись, Вэнь Цинлинь вскинул бровь и с иронией переспросил:

— Генеральный директор Шэнь, как ты можешь помешать, возвращаясь к себе домой?

Вэнь Цинлинь отродясь не встречал человека более галантного, чем Шэнь Тинюань. Тот умудрялся задумываться о том, не помешает ли другому, даже если просто возвращался в собственную квартиру.

Цинлинь тихо вздохнул про себя, так и не заметив, как вспыхнул и тут же потемнел взгляд Шэнь Тинюаня, уловившего скользнувшую по его лицу усмешку.

Но едва Вэнь Цинлинь спросил: «С работой всё улажено?», Шэнь Тинюань уже вернул себе обычную невозмутимость и кивнул:

— Да, ничего серьёзного.

— Вот и хорошо, — кивнул Вэнь Цинлинь.

Тогда Шэнь Тинюань задал встречный вопрос:

— Как прошла утренняя лекция?

— Вполне успешно, — небрежно отозвался Вэнь Цинлинь. — Слушатели оказались очень энтузиастичными.

Однако едва последняя фраза слетела с губ, Цинлинь мысленно прикусил язык, пожалев о своей несдержанности.

После недавнего телефонного разговора они оба, казалось, молчаливо условились больше не поднимать ту двусмысленную тему. Вэнь Цинлинь даже решил не устраивать бессмысленных проверок... Он правда не вкладывал в свои слова никакого подтекста, но произнесённое вслух невольно наталкивало на мысли.

И действительно, Шэнь Тинюань на мгновение запнулся и с нечитающей интонацией переспросил:

— Энтузиастичными?

— Ну да... — с невозмутимым видом попытался исправить положение Цинлинь. — Почти все остались, чтобы выстроиться за автографами.

Не ожидая, видимо, что под «энтузиазмом» подразумевается именно это, Шэнь Тинюань на секунду замер, после чего совершенно искренне произнёс:

— Учитель Вэнь всегда пользовался популярностью.

Вэнь Цинлинь незаметно перевёл дух. Не желая продолжать эту тему, он вспомнил кое-что другое и перевёл разговор:

— Кстати, Тун Нин прислал прессованный пуэр Маньсун. Помнится, генеральный директор Шэнь любит этот сорт? Можешь забрать его в офис.

Он отчетливо помнил, что на прошлой неделе Шэнь Тинюань брал из дома именно Маньсун.

Шэнь Тинюань чуть оторопел и еле слышно пробормотал:

— Вэнь Цинлинь помнит, какой чай я люблю...

В его голосе проскользнула скрытая, глухая фанатичность.

Но фраза прозвучала настолько тихо, что Цинлинь ничего не разобрал и на автопилоте переспросил:

— Что?

Шэнь Тинюань тут же опомнился и, выдержав паузу, ответил:

— Ничего. Просто хотел спросить... Учитель Вэнь не хочет оставить его себе?

Не заподозрив подвоха, Цинлинь легкомысленно отозвался:

— Нет, я не настолько большой любитель чая, как ты.

Шэнь Тинюань не стал больше отказываться и лишь подчеркнуто вежливо произнёс:

— В таком случае спасибо, Учитель Вэнь. И передай мою благодарность господину Туну.

— Не за что, — улыбнулся Вэнь Цинлинь.

С этими словами он собрался развернуться и забрать чайный блин со стола.

— Кстати, — не успел он сделать и шага, как Шэнь Тинюань снова подал голос. — В следующий вторник состоится чайная церемония. Если Учитель Вэнь свободен, не хочешь сходить со мной?

Это предложение исходило от того самого директора Чжао. Отклонив сегодняшнее чаепитие, тот сразу предложил посетить церемонию. Надо признать, этот Чжао прекрасно умел угождать.

Вэнь Цинлинь не стал давать поспешных ответов, а сперва уточняюще спросил:

— Там обязательно быть со спутником?

Он знал, что на некоторые мероприятия в их кругу принято приходить парами.

Шэнь Тинюань на мгновение замер. В глубине его глаз мелькнула тень внутренней борьбы, но в конечном счёте он честно качнул головой:

— Нет.

Ему просто искренне хотелось пригласить его.

Тогда Вэнь Цинлинь, не колеблясь, категорично отказался:

— Тогда я не пойду.

Он действительно неплохо разбирался в чайном искусстве и мог без труда определить сорт и происхождение листьев по аромату и вкусу. Вот только... Должно быть, даже Тун Нин не догадывался, что эти познания Вэнь Цинлиня произрастали вовсе не из любви к напитку.

Шэнь Тинюань не стал допытываться — Цинлинь отказал слишком прямо и недвусмысленно.

Да и времени на расспросы Вэнь Цинлинь ему не оставил, сразу добавив:

— Подожди минуту, я принесу чай.

Бросив эту фразу, Цинлинь шагнул в глубину мастерской.

Шэнь Тинюань так и остался стоять в дверях, проявляя безупречную деликатность и не переступая порог ни на сантиметр.

Его жадный взгляд на миг приковался к спине Вэнь Цинлиня и тут же скользнул прочь. Опушенные ресницы надежно спрятали привычный укол разочарования.

На столе Вэнь Цинлиня царил лёгкий беспорядок: не закрытый ноутбук, брошенный планшет и проводные наушники, хаотично брошенные поверх столешницы...

Вэнь Цинлинь предпочитал дома именно проводную гарнитуру, считая, что звук в ней чище, чем через блютуз. Но сейчас, забирая чайный блин, он обнаружил, что шнур от спешки переплёлся с упаковкой.

Не долго думая, Цинлинь просто выдернул штекер из разъёма ноутбука, намереваясь распутать провод...

Однако в следующий миг произошло непредвиденное.

Мужской прерывистый стон, полный страсти, оглушительно огласил комнату из динамиков ноутбука!

Вэнь Цинлинь мгновенно замер.

Лишь секунду спустя до него дошло: сняв наушники от неожиданности, он просто забыл поставить аудиозапись на паузу...

Спустя мгновение Цинлинь рефлекторно обернулся к стоящему у двери Шэнь Тинюаню.

— Что ты слушаешь? — своевременно подал голос Шэнь Тинюань.

Вэнь Цинлинь не ответил сразу. Вместо этого он пристально посмотрел Шэнь Тинюаню прямо в глаза, пытаясь разглядеть в них хоть какую-то нетипичную эмоцию.

Но, увы...

Цинлинь ничего не увидел.

Взгляд Шэнь Тинюаня оставался совершенно спокойным, словно гладь озера, на которой никогда не бывает волн.

Вэнь Цинлинь и не подозревал, буря какого масштаба бушует сейчас на самом дне этого озера. Ведь умение прятать и обуздывать порывы за прошедшие десять лет давно въелось Шэнь Тинюаню под кожу.

Сложно сказать, что сработало сильнее — подхлестнула ли его эта чрезмерная невозмутимость мужа, или же внутри Вэнь Цинлиня ещё с того телефонного разговора копилось глухое раздражение...

Так или иначе, когда первый шок и неловкость улеглись, Цинлинь окончательно вернул себе самообладание. Он даже слегка изогнул губы в усмешке и, глядя на Шэнь Тинюаня, с прозрачным намёком произнёс:

— Генеральный директор Шэнь, задавать подобные вопросы... не кажется ли вам, что вы слегка прикидываетесь невинным?

Мужчина под тридцать лет просто не мог не понять, что за звуки только что раздались на всю комнату.

Шэнь Тинюань не ответил сразу.

Воздух снова загустел, наполняясь невидимым напряжением и едва уловимым духом противостояния.

Лишь спустя некоторое время Шэнь Тинюань на мгновение прикрыл глаза. Наконец он

заговорил снова — не стал продолжать расспросы, а произнёс чеканя каждое слово:

— Похоже, мой ранний приход и впрямь помешал Учителю Вэню.

Вэнь Цинлинь слегка оторопел.

Впрочем, уже в следующую секунду он сообразил: Шэнь Тинюань всё понял неверно. Тот решил, будто до его появления Цинлинь собирался удовлетворить себя под эту запись...

Однако объяснять Вэнь Цинлинь ничего не стал. В конце концов, он и правда только что закончил, пусть и без участия этого аудиофайла.

С этой мыслью Цинлинь принял вид человека, которому «раз уж раскусили, нечего и прятаться». Он даже с интересом кивнул и лукаво переспросил Шэнь Тинюаня:

— Раз уж генеральный директор Шэнь понимает, что помешал мне, не собираетесь ли вы предложить компенсацию?

В подобной обстановке и между двумя мужчинами эта фраза звучала как абсолютно прямой, неприкрытый намёк на близость.

Шэнь Тинюань не мог не понять.

Впрочем, Вэнь Цинлинь вовсе не рассчитывал на продолжение — он просто решил подразнить его на словах. В конце концов, солнце ещё стояло высоко, что абсолютно не вписывалось в представления его мужа о подобных вещах.

Дневные утехи? Такой правильный и благовоспитанный человек, как Шэнь Тинюань, ни за что бы не пошёл на подобное непотребство.

Цинлинь снова тихо хмыкнул про себя. Пользуясь молчанием Шэнь Тинюаня, он повернулся, пару раз коснулся тачпада и наконец прекратил эти раздражающие стоны, раздававшиеся из динамика.

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Вэнь Цинлинь сосредоточился на том, чтобы распутать провод и «освободить» чайный блин.

В этот момент яркий солнечный луч, пробившийся сквозь открытое окно, упал прямо на левую сторону его шеи — аккуратно под ухом, отчего маленькая родинка стала отчётливо видна.

Взгляд Шэнь Тинюаня скользнул через всю комнату и замер на этой точке.

Его кадык заметно дернулся.

Если движением тела он ещё владел, то удержать картинки в голове уже не получалось. Ему нестерпимо захотелось сделать то же самое, что он проделывал с фотографиями Вэнь Цинлиня: полностью накрыть эту родинку подушечкой большого пальца и с усилием потереть.

Захотелось прикоснуться. Захотелось поцеловать. Захотелось... слизнуть.

Шэнь Тинюань неосознанно сцепил руки за спиной, до боли сжав кулаки, чтобы случайно не претворить эти фантазии в жизнь.

Лишь мгновение спустя он вновь закрыл глаза, сделал глубокий вдох и со всей доступной выдержкой произнёс:

— То, что я помешал Учителю Вэню — моя вина. Не откажет ли Учитель Вэнь в возможности искупить её?

Даже произнося подобные вещи, он изъяснялся со всей возможной галантностью, будто и впрямь просил о шансе загладить проступок.

Пальцы Вэнь Цинлиня, распутывавшие провод, резко замерли. Смутно догадавшись о чём-то, он повернулся к Шэнь Тинюаню и с вызовом спросил еще прямее:

— И как же генеральный директор Шэнь собирается ее искупать?

Взгляд Шэнь Тинюаня опустился чуть ниже, очерчивая изгиб изящной белой шеи Цинлиня. Голос его заметно осел:

— Позвольте мне помочь Учителю Вэню...

Он сделал едва заметную паузу. Взгляд, потеряв остатки контроля, скользнул ниже и застыл на талии Вэнь Цинлиня, скрытой под тканью одежды. Предплечья Шэнь Тинюаня, спрятанные за спиной, напряглись до предела, а ногти вонзились в ладони. Наконец он тихо закончил:

— Доделать то, чем Учитель Вэнь планировал заняться до моего прихода. Можно?